

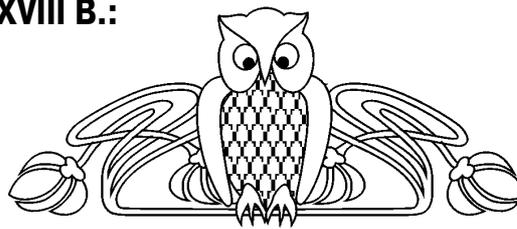

УДК 9(470 «1792/1794»)

ВОЕННЫЙ ПОСТОЙ В ПОВОЛЖЬЕ В КОНЦЕ XVIII В.: РОСТОВСКИЙ КАРАБИНЕРНЫЙ ПОЛК В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (1792–1794 гг.)

И.Н. Плешаков

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: histrus@sgu.ru

Проблемы квартирования военных частей в российской провинции XVIII в. до сих пор не получили достаточного освещения в работах историков. В статье рассказывается о постое в Саратовской губернии в 1792 – 1794 гг. Ростовского карабинерного полка. Статья основана на документах Российского государственного военно-исторического архива и Государственного архива Саратовской области, а также свидетельства современников и очевидцев. В статье содержится малоизвестная биографическая информация, рассматриваются проблемы взаимоотношений военных с местными властями и населением, раскрывается большая роль армии в общественной, экономической и культурной жизни региона. Квартирование военных частей сопровождали многочисленные факты коррупции и финансовых злоупотреблений со стороны офицеров и местных чиновников.

Ключевые слова: Русская армия, квартирование воинских частей, Саратов.

Quartering in the Volga Region in the end of XVIII Century. Rostov Mounted Regiment in Saratov Region (1792–1794)

I.N. Pleshakov

The problem of of militaries in Russian provinces. is not widely examined in historical works. The article deals with the problem of temporary living of Rostov dire guards in the Saratov region in 1792 – 1794. This article is basis on the Russian state military historical archives of the Saratov region. The evidences of the contemporaries and witnesses play important rule.

There is a lot of unknown biographical information about officers of the Rostov dire guards. There variable sources allow us to examine the relations between the military and local authorities and the peoples in details. The article depicts the great role of the army in the political, social and cultural life of the region.

Key words: Russian army, military quartering, Saratov.

С давних пор в отечественной историографии утвердился односторонний взгляд на военную историю, прежде всего как на историю войн. В подобной трактовке есть ощутимый изъян: она совершенно не учитывает, что армия всегда представляла нечто большее, чем простое скопление людей, обученных убивать. За рамками военно-исторических исследований неизменно остаётся обыденное существование воинских частей в мирный период, проблемы постоя, вопросы взаимоотношений с гражданским населением, региональными властями и т. п. Между тем именно это состояние «обязательной и безупречной праздности», как его определил Л. Н. Толстой,

составляло основное содержание повседневной жизни вооружённых сил Российской империи. В данной статье предпринята попытка комплексного рассмотрения заявленной проблемы на примере квартирования на Волге в конце XVIII в. одного из конных полков Русской армии.

В середине октября 1792 г. в Саратове было получено известие о назначении на постой в губернию следующего с Кавказа Ростовского карабинерного полка со штатной численностью в 1106 военнослужащих¹. Эти «покирасиренные драгуны», как их метко назвал А. А. Керсновский, отличались от привычных драгун (зачастую, лишь на бумаге) более рослыми лошадьми и тяжёлыми палашами². Как и драгуны, карабинеры должны были успешно действовать как в конном, так и в пешем строю³.

Более шести лет в Саратове не стояла ни одна воинская часть и после получения известия об идущем сюда полке в городе закипела работа. 19 октября, по словесному приказанию вице-губернатора Т. А. Ярославова и сообщению магистрата, в городской думе было заведено особое дело «О приготовлении квартир и починке конюшен для карабинерного полка, следующего в Саратов». Ещё в начале XX в. в составленной одним из членов учёной архивной комиссии описи материалов архива думы это интересное дело числилось под № 47⁴. К сожалению, в последующие годы оно было утрачено. Частично восполнить потерю позволяет реконструкция его содержания по другим документам городской думы и магистрата.

Ростовский карабинерный полк следовал к Саратову с Моздокской линии через калмыцкие степи. В Царицыне командование над вторым эскадром принял перешедший из Астраханского драгунского полка и официально к новой части ещё не причисленный ротмистр Александр Семёнович Пишчевич⁵. Благодаря оставленным им обширным запискам у нас есть уникальная возможность взглянуть на жизнь полка глазами его офицера. Жизнь эта, «очень беспокойная от частых передвижений, бивуачная, крайне беспорядочная и вместе скучная»⁶, преобразалась в те периоды, когда часть прибывала на квартирование во внутреннюю губернию. В 1792 г. автору воспоминаний, родившемуся 31 мая 1764 г., исполнилось 28 лет. Его отец, сербский дворянин

«цесарской нации» С. С. Пишчевич, был принят в русскую службу в том же звании капитана в 1752 г. в царствование императрицы Елизаветы, дослужился до генеральского чина и стал достаточно состоятельным человеком. Ему принадлежат несколько сочинений по истории сербского народа и обширная автобиография⁷. Мемуарный почин отца поддержал его сын, получивший хорошее домашнее образование и в 1776 г. начавший военную службу (в восемь лет!) корнетом в Ахтырском гусарском полку. В 80-е гг. ему довелось участвовать в покорении Крыма, сражаться на Кавказе, а в 1791 г. во время Русско-турецкой войны штурмовать Анапскую крепость⁸.

Как вспоминал А. С. Пишчевич, приблизившись к Саратову в последних числах октября 1792 г., военнотружачие «начали чувствовать всю лютость зимы великороссийской, и потому, не входя в город всем полком, эскадроны были распущены ближайшими дорогами в определённые им селения от наместнического правления. Ни одного не было назначено в Саратов, кроме штаба»⁹. Последнему утверждению противоречит сделанная местным священнослужителем Г. А. Скопиным запись в дневнике. Согласно ей 1 ноября 1792 г. из состава Ростовского карабинерного полка «в Саратов вступил один эскадрон и весь штаб, а прочие по уездам расположились»¹⁰. В тот же день в городе им были отведены квартиры и конюшни. По поручению думы и магистрата это ответственное задание исполнял ратман Плотников¹¹. Из материалов Российского государственного военно-исторического архива следует, что в Саратовском уезде разместился один эскадрон, в Вольском и Камышинском – по два. Ещё один встал на квартиры в Новохопёрской «округе»¹². 2-й эскадрон А. С. Пишчевича по приказу командира части полковника А. Д. Буткевича остановился «в экономическом селе Мордовом¹³, на берегу Волги лежащем». Населявших его крестьян офицер «нашёл в преизбыточном состоянии». «Двадцать с лишком лет тогда было, как на берегу Волги не видали никакого войска¹⁴, и потому мы были приняты с распростёртыми руками»¹⁵. Вопреки ожиданиям Пишчевича, вместо «определённых было квартир в прекрасном и богатом селе Покровском, на левом берегу Волги лежащем, против самого города»¹⁶, он «долженствовал расположиться с эскадроном в селе Лог¹⁷, в 60-ти верстах от Саратова по пензенской дороге»¹⁸. Далее офицер повествует о своём пути к новому месту квартирования. Рассказ этот интересен тем, что обнажает устоявшуюся практику противозаконных действий гражданских и военных чинов, вскрывая один из источников их обогащения. «Нельзя не сказать того, что во время сего перехода я бы мог нажать изрядные деньги; крестьяне, по селениям которых я с эскадроном проходил, были крайне именем солдатским настрашаны, который в них страх чины земского суда старались поддержать своей ради пользы.

Исправник Горбунов¹⁹ выехал мне на встречу для препровождения эскадрона, предлагал мне разные дороги кривые к достижению Лога; мужики лишь сведали о сём посещении, то и стеклись на мой путь с деньгами для откупления себя от оногo; я отрёкся от их подарков, говоря, что долг мой есть прямейшим трактом следовать. Уверял их, что они не имеют причины опасаться солдат, которые суть не разбойники, но их сограждане и защитники, водимые начальниками, которые честью своею обязаны не допускать своих подчинённых до шалостей»²⁰. Опираясь на рекомендации В. Г. Горбунова, офицер бы «кружился около своих квартир месяц или и более», а не приняв его советов, добрался до назначенной стоянки за шесть дней. Как шутил А. С. Пишчевич, в этой истории исправник «хотел играть роль Моисея, но в моём эскадроне не нашёл израильтян, и я расположен был узреть землю Логовскую прежде сорока лет». Встретив столь необычное поведение офицера, Горбунов счёл его опасным смутьяном, который «готов революцию затеять». Для того чтобы невзлюбить автора воспоминаний, у чиновника были весьма основательные причины, так как он, несомненно, рассчитывал на весомую долю из собранной таким образом дани. «Денег бы, с ним поделившись, на мою часть из сего похода досталось тысячи две рублей, – писал А. С. Пишчевич, – но я лучше согласился веселиться, занимая оныя, нежели грабить своих соотчичей»²¹. Следует отметить, что поступок офицера действительно выходил за рамки давно ставшего привычным порядка взаимоотношений армейских чинов с местным населением. Генерал-поручик С. М. Ржевский в своей известной записке о екатерининской армии так описывал права полковых командиров: «Для личных выгод дозволяется полковнику с полком брать такую дорогу, какую он заблагорассудит и как долго идти хочет. Какие же от того следствия происходят или для каких резонов полковник о сих выгодах старается, легко всякой понять может; а бедные обыватели всех вернее могут сказать, что им стоит посещение такого полку»²². О том, что генералы и полковники имели возможность «переменять квартиры для прихотей своих», в те же годы писал выдающийся русский военачальник П. И. Панин²³.

Одним из первых занятий офицера на новых квартирах стала поимка разбойников, орудовавших в окрестностях села. Вскоре выяснилось, что долю от их воровской добычи получали «воры, заседавшие в правлении наместническом и нижнем земском суде». Заплатив капитан-исправнику В. Г. Горбунову и советнику Саратовского наместнического правления Н. В. Есипову три тысячи рублей, разбойники остались безнаказанными²⁴. «Внутренний порядок в сём наместничестве был не забавен, но жалости достоин, – резюмировал мемуарист свой саратовский опыт. «Разбойники, видя себя покровительствуемых, смело везде делали грабежи и смертоубийства»²⁵.

10 июля 1793 г. по ордеру командующего Кавказского корпуса генерал-аншефа И. В. Гудовича ротмистр А. С. Пишчевич вместе с секунд-майором того же полка И. Н. фон Бушем был определён ассессором военного суда в г. Борисоглебск и на некоторое время покинул пределы края²⁶. 17 июля находившийся в Саратове эскадрон, согласно дневнику Г. А. Скопина, «выступил в лагерь под Вольск»²⁷. Как следует из рапорта полковника А. Д. Буткевича в Военную коллегию от 17 августа 1793 г., «компанент» полка находился «при речке Терёшке, близ села Синодского»²⁸. Согласно высочайше утверждённой в 1766 г. «Инструкции конного полка полковнику» ежегодный выход в лагерь должен был длиться более двух месяцев, в зависимости от климата и состояния травяного покрова²⁹. После окончания лагерного времени квартирное расположение эскадронов Ростовского полка было изменено. Эта обязательная мера предусматривалась всё той же полковничьей инструкцией и устанавливала «справедливое уравнение» условий квартирования для разных воинских подразделений³⁰. Два эскадрона полка разместились в Камышинской «округе» (уезде), один в Петровской и три в Вольской. Среди последних оказался и эскадрон вернувшегося к полку А. С. Пишчевича, ставший на зимние квартиры в с. Терса³¹. Вскоре А. Д. Буткевич на несколько месяцев уехал в Санкт-Петербург, где, по воспоминаниям внука, «только и мог жить»³². За отсутствием следующего по старшинству офицера подполковника Г. Баранова, находившегося «за некоторыми надобностями» у генерала И. Д. Савельева на Кавказской линии, начальство над полком принял секунд-майор А. М. Щеглов, – как отозвался о нём А. С. Пишчевич, «человек робкий и уступчивый»³³.

Терса – «обширное и богатое село», жители которого, по словам мемуариста, «были все соборники изверга Пугачёва, следственно все разбойники», составляло с находившимися на левом берегу Волги Иргизскими старообрядческими монастырями «как бы одну семью». И те, и другие «изобилия деньгами, откупались в Саратове от всякородных мошенничеств». Доход от них получали фактически управлявшая наместничеством супруга губернатора властная и деятельная Мария Семёновна Нефедьева и уже упоминавшийся выше Н. В. Есипов. Благодаря его интригам жители с. Лох, где прежде квартировал эскадрон А. С. Пишчевича, «внесли просьбу губернатору в неплатеже им ... провиантских денег». По утверждению офицера, крестьяне «подарили» эти деньги эскадрону на общем сходе. Часть выданных ими квитанций, подтверждавших правоту Пишчевича, оказались не заверенными капитан-исправником земского суда и автору записок пришлось выплатить крестьянам двести рублей. «В сём случае обижался не я, а мои подчинённые», – вспоминал он. Дело в том, что из сэкономленных таким образом денег командир эскадрона «составлял денежную сумму в их артели, как-то водилось в нашем войске»³⁴. Этот эпизод нуждается в поясне-

нии. Согласно действовавшим в ту пору законам, крестьяне должны были «доставлять солдату лишь место для постели и солому. Солдат должен кормиться сам, тем, что отпускает ему казна; но обычай одержал верх, и крестьянин кормит солдата вместе с собою и позволяет ему его муку или продавать, или получает деньгами. Если он ему отказывает в этом, ... то последний придумывает тысячу ухищрений, чтобы склонить его на это»³⁵. Такой порядок взаимоотношений даже закрепился в обращённой к хозяевам солдатской поговорке: «Мой паёк, твой привар»³⁶. Кража провиантских сумм являлась одним из источников обогащения недобросовестных офицеров. Эта порочная практика нашла своё продолжение и развитие в Русской армии XIX столетия. Каждый месяц и при выходе воинского подразделения на другие квартиры жители должны были опрашиваться об их претензиях и, в случае отсутствия жалоб, крестьяне давали военным справки о «благополучном квартировании». «Если они довольны (что бывает редко), то они выдают их вполне охотно, ничего не требуют и солдатские провиантские деньги частью поступают в артель, а частью в карманы полкового и ротного командиров», – писал генерал А. Ф. Ланжерон. «Если же крестьяне не довольны, их поят вином, заставляют плясать, напаяют, их ласкают, и они подписывают. Если же, несмотря на всё это, они отказываются подписывать, то им угрожают, и они кончают тем, что умоляют, и подписывают». В случае серьёзных злоупотреблений офицеры обращались к помещику или капитан-исправнику. Последний «всегда держит сторону полковых командиров, которые или платят ему, или делают подарки»³⁷. По свидетельству А. Ф. Ланжерона, для которого такой метод обогащения был «отвратителен», доход командиров полков от пищевого довольствия солдат был «громиден», достигая нескольких тысяч рублей в год³⁸. Характерная черта эпохи: зачинщик интриги против А. С. Пишчевича, Н. В. Есипов, полагая, что офицер «теми деньгами пользовался», привычно отнёс ротмистра к числу командиров, обкрадывавших своих подчинённых³⁹. Иных, надо полагать, чиновник никогда прежде не встречал. Но, как писал А. С. Пишчевич, «нажива от эскадрона не могла иначе произойти, как грабя казну, следственно, обнищивая солдата, защиту Отечества, моему начальству, моему презрению вверенного; нажива от поселян сопряжена была с ограблением их собственности, то и другое должно было с уничтожением своего имени производить! Боже, какого духа долженствовало быть, чтоб пуститься на такую гнусность!»⁴⁰. Подводя своеобразный итог времени, проведённому в Саратовской губернии, автор записок заключал: «Неоспоримо, я в две зимы моего на Волге квартирования, имея в руках эскадрон, мог бы нажить великие деньги; но для сего надлежало иметь приятельскую связь с исправником, делиться с оным всеми доходами, пить и гулять вместе, грабить добродушных

поселян, ловить воров и, ограбив их, отпущать. Таковы были стези, по которым следуя, можно было нажиться!»⁴¹. Но ещё большие возможности «нажиться» имели непосредственные начальники А. С. Пишчевича. О некоторых личностях уместно рассказать подробнее.

Биография командира Ростовского карабинерного полка Александра Буткевича, которому в 1792 г. исполнилось 35 лет, достаточно типична для заката Екатерининской эпохи. Его отца, Дмитрия Михайловича Буткевича, в 50-е гг. служившего в конной гвардии, хорошо знал известный мемуарист А. Т. Болотов. Жена офицера, Татьяна Алексеевна, урождённая Балк, запомнилась ему как «боярыня молодая и модная и великая щеголиха». В молодости она слыла красавицей и отличалась крайней раздражительностью. Женившись на ней, «великий богомол и постник» Д. М. Буткевич, бывший первым новгородским предводителем дворянства, получил «значительное состояние», о котором «ходили баснословные легенды». К концу 60-х гг. он дослужился до генеральского чина и удобно пристроился в армии П. А. Румянцева «по провиантской части»⁴². В судьбе сына достигнутое Д. М. Буткевичем высокое положение и связи, надо полагать, сыграли не последнюю роль. Единственному и долгожданному ребёнку родители дали хорошее домашнее образование, но одновременно сильно его избаловали. Хорошие стартовые позиции для дальнейшего карьерного роста дала ему служба в Лейб-гвардии Конном полку, в который он, по сложившейся пагубной традиции, был записан ещё ребёнком. Молодость А. Д. Буткевич провёл «весело и шумно», усвоив «все пороки людей екатерининского времени»⁴³. За полтора десятилетия с 1769 г. обласканный императрицей⁴⁴ адъютант генерал-аншефа Н. В. Репнина, – «высокий, статный, замечательно ловкий и сильный» красавец, – без особых усилий прошёл путь от ефрейт-капрала до секунд-ротмистра. В 1784 г. он был переведён в Черниговский карабинерный полк с производством в подполковники – следствие существовавшего преимущества гвардии над армией в две ступени по «Табели о рангах». После нескольких лет службы в различных конных полках А. Д. Буткевич в 1789 г. производится в полковники. В 1790 г. он причисляется сверх комплекта к Ростовскому карабинерному полку и вскоре принимает командование над ним. Его боевая биография включает в себя участие в осаде Очакова в 1788 г., сражениях при Аккермане и Бендерах в 1789 г. За присутствие при штурме Анапы в 1791 г., во время которого А. Д. Буткевич находился в свите главнокомандующего генерал-аншефа И. В. Гудовича, и почти на правах ординарца посылался им «в разные опасные места с приказами», он удостоился ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени⁴⁵. В Тверской, Рязанской и Новгородской губерниях А. Д. Буткевич владел 1340

крепостными душами⁴⁶. Из последней губернии происходила и вторая супруга рано овдовевшего полковника, блиставшая в столице своей красотой, «преисполненная достоинств» Анна Ивановна фон Моллер. В Саратове эта «прелюбезная, умная и веселого нраву женщина», которая «бойкостью своею кружила головы молодёжи», не замедлила сделать из отведённой супружеской чете квартиры «дом всеобщего удовольствия»⁴⁷. Сам А. Д. Буткевич предпочитал проводить время в северной столице или соседней Пензе. Здесь этот «приятный в обращении человек» запомнился местному вице-губернатору и поэту князю И. М. Долгорукому⁴⁸. Как писал внук Буткевича Н. С. Маевский, начальство его деда над своими подчинёнными «было согласно с тогдашними обычаями: неумолимо суровое к нижним чинам, оно было патриархально добродушное с дворянами-офицерами. Все они ежедневно и неуклонно должны были являться к шефу полка на обед»⁴⁹. Характерно, что крайне нуждавшемуся в деньгах в момент перехода в его полк А. С. Пишчевичу Буткевич одолжил крупную сумму денег⁵⁰.

Как писал А. С. Пишчевич, и так отнюдь не бедствовавший А. Д. Буткевич «получал в год от полка до тридцати тысяч рублей», и в Саратове его богатство никого не удивляло⁵¹. По свидетельству Л.-Ф. Сегюра, жившего в России в 1785–1789 гг., в Русской армии тех лет «полковые командиры наживались так, что даже не скрывали этого и считали делом совершенно естественным и законным получать таким образом от 20 до 25 тысяч рублей ежегодной прибыли»⁵². «Свидетелем позорных злоупотреблений» в армии был и С. Р. Воронцов. В своей «Записке о русском войске» он писал, что полковые командиры грабили казну «с невозможным бесстыдством, и бедные солдаты бесчеловечно были лишены тех ничтожных денег, на которые они имели права»⁵³. На это же указывал и С. М. Ржевский⁵⁴. Получение такого «безгрешного» дохода, не имевшего ничего общего с официальным окладом офицера, вовсе не было секретом для представителей верховной власти. «Воровство было таким образом дозволено, а честность считалась глупостью», – писал по этому поводу другой современник К. Массон⁵⁵. Особенно доходными являлись как раз кавалерийские полки, так как командование ими позволяло производить масштабные хищения средств, выделявшихся на покупку конского состава и фуража для него⁵⁶. О плохом содержании лошадей в русской кавалерии и её низких боевых качествах писал генерал А. Ф. Ланжерон. По его словам, «часто кавалерийский полк имеет на 300 лошадей менее определённого числа; но злоупотребление это доставляет командирам кавалерийских полков 25, 30 и даже 50000 рублей дохода»⁵⁷. По мнению британского историка Джеффри Хоскинга, русский полк «воплощал партнёрство между государством и частным предприятием, в котором полковник являлся предпринимателем» и, в сущности, «играл роль,

аналогичную роли деревенского помещика»⁵⁸. С помещиками военных командиров сравнивали и дореволюционные исследователи Н. Ф. Дубровин и С. С. Шашков⁵⁹. Не менее категорично высказывался И. Д. Белов, заявляя, что «с течением времени управление полками приняло характер совершенного кормления»⁶⁰. «После положения главнокомандующего я не знаю другого в военной среде, которое можно было сравнить с положением полкового командира в России, – писал по этому поводу А. Ф. Ланжерон, – он неограниченный деспот, богат и уважаем в своём полку, заискиваемый и ласкаемый помещиками, в имениях которых находится, имеет 100 офицеров и несколько тысяч солдат в своём распоряжении»⁶¹. «Под тиранским полковничьим правлением офицеры находятся в рабстве, – свидетельствовал С. М. Ржевский, – офицер доведён до уныния, ... от безмерного и принуждённого щегольства, разоряется»⁶². Между тем «незначительность содержания русских офицеров физически не позволяет им существовать», – дополняет А. Ф. Ланжерон⁶³. Не случайно генерал-фельдмаршал П. А. Румянцев признавал в эти годы, что «в армии полки хороши будут от полковников, а не от уставов»⁶⁴.

Помимо прямых хищений государственных средств, у полковых командиров было немало других источников дохода. Самым безопасным из них, безусловно, являлось использование бесплатного труда солдат, широко практикующееся и до наших дней. Первые упоминания о таких работах относятся ещё к XVII в., когда московские стрельцы жаловались на принуждение к ним государю Фёдору Алексеевичу⁶⁵. Надо полагать, что в следующем столетии подобные факты имели место и на территории Саратовского Поволжья. Так, по утверждению осведомлённого мемуариста Ф. Ф. Вигеля, после того как в конце XVIII в. генерал-аншеф князь С. Ф. Голицын приобрёл имение в Балашовском уезде, «он три года стоял в нём на бессменных квартирах с ... Смоленским драгунским полком ... Все построения Зубриловки были дело рук солдатских; это извиняется дурным обычаем: полк давался тогда как аренда»⁶⁶. Но для производства необходимых полковнику работ ему порой даже не нужно было привлекать строевых солдат. В каждой части содержалось значительное число мастеровых, среди которых можно было отыскать виртуозов различных ремёсел, «начиная с плотника и кончая гравёром»⁶⁷.

В своих записках А. С. Пишчевич подробно рассказывает ещё об одном высоком воинском начальнике – командире бригады, в которую входил Ростовский карабинерный полк, участнике Семилетней войны бароне Иосифе Фёдоровиче фон Беервице. Он происходил из баварского дворянского рода и до конца 1777 г. служил в «цесарской» армии Австрийской империи Габсбургов. Покинуть её пришлось из-за конфликтов с кронпринцем Иосифом. В Россию подполковник Беервиц направился с рекомендательным письмом

от императрицы Марии-Терезии. Надо полагать, именно благодаря ему Екатерина II, крайне неохотно принимавшая на службу иностранцев⁶⁸, приказала в том же звании зачислить гонимого офицера в русскую армию. К моменту прихода его бригады в Поволжье он получил орден Св. Георгия 4-й степени за отличие при штурме Анапы в 1791 г.⁶⁹ и достиг звания генерал-майора⁷⁰. «Должно себе представить Беервица, старика лет около семидесяти⁷¹, росту двух аршин и 9-ти вершков,⁷² тонкого, худощавого, имевшего лице угреватое, глаза впалые, в обеих ушах серьги, волосов на голове весьма мало, предлинной широкой нос, которой на конце загибаясь, спускался, минуя губы, на подбородок, из которого висели сосульки хотя и табачные, но ничего глазам приятного не представляющие», – писал хорошо знакомый с ним А. С. Пишчевич⁷³. По его словам, И. Ф. Беервиц «был превесёлого нраву, ... любил службу, был храбрый и сведущий человек, но был столь оригинального характера, что трудно изобразить»⁷⁴. По совету управляющего имением графа А. К. Разумовского Леопольда фон Гогеля⁷⁵ он переехал из Пензы⁷⁶ в селение Аркадак⁷⁷ Балашовского уезда Саратовской губернии и поселился в графском доме. Хитрый управитель, соблазненный Беервице рассказами о выгодности жизни и хорошем местоположении селения, преследовал свою собственную цель. Как свидетельствует А. С. Пишчевич, жители Аркадака упорствовали в платеже податей и, желая их «несколько проучить», Гогель пригласил в селение И. Ф. Беервице. Таким образом, его проживание «почтено иначе не могло быть, как командой экзекуции, в пользу г-на Гогеля устроенной»⁷⁸. И команда эта была отнюдь не малой. Согласно документам, «для караула» при бригадном командире находилось 2 трубача и 28 карабинер при 2 капралах. Ещё по одному капралу, карабинеру и писарю состояло у него «на ординарцах»⁷⁹. Этот незначительный, на первый взгляд, факт выявляет ещё одну сторону взаимоотношений армии и населения: военный постой использовался в качестве наказания.

Помимо интересных зарисовок армейского быта, записки А. С. Пишчевича содержат подробный отчёт автора о победах на любовном фронте. Пикантные детали его бесчисленных романов, в изобилии рассыпанные по всему тексту воспоминаний, были, вероятно, (и, кажется, остаются до сих пор), одним из препятствий, не позволившим историкам в полной мере использовать богатый материал, предоставляемый этим интереснейшим источником⁸⁰. Из значительного русского мемуарного массива XVIII столетия воспоминания А. С. Пишчевича выделяются вызывающей откровенностью повествования, чем-то сближающей его с известными записками Джакомо Казановы. Любовные истории красной нитью проходят через весь рассказ офицера и являются как бы главной, так сказать, «текстобразующей» идеей его повествования. При этом автор, очевидно, был

подвержен практически неизбежному в таких случаях «сгущению красок», тому, что Ю. М. Лотман называл «театрализацией» воспоминаний⁸¹.

Крупнейший дореволюционный специалист по русской мемуаристике XVIII в. Н. Д. Чечулин рассматривал офицера скорее как нетипичного представителя своего круга. По мнению исследователя, А. С. Пишчевич «был офицер-кутила, далеко не пошёл по службе; подыскать же себе такое общество, конечно, возможно всегда и везде»⁸². Но одновременно историк признаёт возросшую к концу столетия распущенность высшего сословия и, особенно, офицеров гвардии. Представители последней, составлявшие, по определению А. Ф. Ланжерона, «позор и бич русской армии», распространяли «нравственную порчу» в провинцию⁸³. В этом смысле А. С. Пишчевича вполне можно рассматривать в качестве одного из первых представителей нового и вскоре повсеместно распространившегося типа офицеров, для которых триумфы над женскими сердцами были не менее важны, чем лавры военных побед. Собственно, этот тип поведения и был привнесён в Россию соотечественниками автора записок, для которых военное наёмничество стало своеобразным ремеслом. Именно с сербов по горделивому заявлению отца мемуариста началась «бессмертная слава гусар». Не случайно императрица Екатерина II доверила формировать гусарские полки в России именно сербским офицерам⁸⁴. Несколькими годами позже сложившийся первоначально в среде сербских и мадьярских наёмников образ лихого гусара был канонизирован в творчестве Д. В. Давыдова.

Выше было показано, чем оборачивался военный постой для сельских жителей. Несколько иные проблемы возникали у горожан. На примере квартирования в Саратове подразделений Ростовского карабинерного полка мы можем рассмотреть некоторые механизмы их решения.

Результатом «общественного рассуждения» на состоявшемся 31 декабря 1792 г. собрании горожан стало постановление «требуемые квартиры под господ того полка штаб и обер офицеров» подготовить «по найму у разных людей». Для исполнения задуманного на том же собрании утвердили «добровольную складочную сумму», все вносявшие которую освобождались от постоя штаб-офицеров. По произведённой в думе «раскладке» были согласованы и утверждены «приговорами» размеры взносов от купеческого и посадского общества города. Собранные деньги шли на наём и ремонт квартир для офицеров, постройку кузницы при существовавших с давних пор городских конюшнях «на горах», ремонт находившейся там же «довольно пространной» избы с сенями, использовавшейся в качестве «караулки». Первый известный контракт о найме дома был заключён уже 25 октября. Двухэтажное деревянное здание, принадлежавшее саратовскому купцу К. Шуваеву, было снято для постоя офицера Ростовского

полка за 150 руб. в год. До 10 мая 1793 г. в нём квартировал секунд-майор И. Н. фон Буш, после чего переселился в нанятый городским обществом «дом госпожи Карамышевой»⁸⁵. Для командира части полковника А. Д. Буткевича саратовская дума сняла одно из лучших зданий города, принадлежавший П. С. Шевырёву⁸⁶ двухэтажный с балконом «дом со всеми при нём службами». Это «огромное здание» было построено в январе 1781 г. в качестве резиденции наместника⁸⁷. По закону, А. Д. Буткевич, как и подчинённые ему штаб-офицеры, мог претендовать на занятие не более чем трёх «покоев»⁸⁸. Можно предположить, что в данном случае ему удалось разместиться куда более просторно. Помимо квартир пяти главным офицерам, город нанял помещения для полковой канцелярии и лазарета. По требованию Саратовского наместнического правления, изложенному в указе думе от 3 февраля 1793 г., лазарет полка должен был состоять «непосредственно при штабе, дабы господину полковнику удобнее можно было усматривать больных и подавать способы ко излечению»⁸⁹.

Уже в ноябре 1792 г. дума столкнулась с новой проблемой. Настали холода и полк потребовал от города обеспечить отопление всех нанятых ею домов и конюшен. Вдруг выяснилось, что при расчёте «складочной суммы» этот расход учтён не был. Ещё во время работы Уложенной комиссии в 1767 г. горожане, среди прочего, жаловались на то, что офицеры «во взятые дров никакого пределу и расчисления не имеют, и жгут оные сверх потребного числа»⁹⁰. Поведение военных не изменилось и четверть столетия спустя. 25 ноября 1792 г. купеческий и посадский старосты Ф. Кудрявцев и М. Волков рапортовали в думу, что вопреки словесному распоряжению городского головы, никто из офицеров не соизволил дать им расписок о получении дров. В середине декабря те же старосты сообщили, что за период с 15 октября по 3 декабря они доставили военным 55 сажней дров, «которые, уповательно, сего месяца к 15 числу все уже употребятся. За каковым употреблением настоять будут и ещё требованием неотменным». Поставленная перед фактом, что на отопление жилищ офицеров и полковых заведений «в течение двухмесячного времени дров употребляется в расход великое количество», дума на заседании 16 декабря рекомендовала Саратовскому городскому магистрату выдавать дрова «по сходству закона, кому сколько должно быть покоев и по тому какая препорция должна отпускатся». Купеческому и посадскому старостам было предписано требовать от офицеров расписки в получении дров, о чём дума сообщила и полковнику А. Д. Буткевичу.

Расходы города оказались весьма значительными. Только съём и ремонт дома для полкового командира и поправление конюшен обошлись ему в 992 руб. 77 с половиною коп., а отопление квартиры А. Д. Буткевича только за декабрь 1792 – январь 1793 г. – 87 руб. 75 коп. К весне 1793 г.

денег в собранной с горожан «складочной сумме» почти не оставалось. Уже в апреле купеческому и посадскому старостам пришлось срочно изыскивать дополнительные средства, необходимые для обеспечения дальнейшего квартирования полка⁹¹.

Как уже было сказано, согласно общественному приговору 31 декабря 1792 г. все домовладельцы, внесшие в установленном размере деньги в «складочную сумму», освобождались от постоя офицеров Ростовского полка. То, как это решение городского общества выполнялось на практике, прекрасно показывает прошение саратовского купца С. Кривопалова, рассмотренное в думе 31 октября 1793 г. В нём он сообщал, что владеет домом, находящемся «в здешнем городе в 3-й части, в коем также имеет постой здешнего батальона⁹² сержант Григорей Трофимов з женою и сыном, а сверх того на содержание квартиры занятая Ростовского карабинерного полку господами полковником и майором заплачено им по общественному приговору со освобождения ево от постоя денег 15 рублей, но сверх оного во означенной его дом оного карабинерного полку поставлен для квартирования священник, единственно к его (противу прочих) отягощению». Кривопалов просил думу свести от него нового постояльца и «от вышеписанного отягощения защитить». Справясь с документами, дума установила, что проситель действительно внёс через гражданского старосту В. Рогожина указанную сумму и, рассудив, что в Саратове «есть таковые дома, кои совсем не имеют постоя, равно на наём квартир и на содержание оных деньги не платят, а мещанскою городовою выгодною пользуются, ... приказали: в Саратовский городской магистрат сообщить, и требовать дабы оной благоволил ныне у купца Кривопалова без очереди постоя свести ... на другую очередную квартиру, и впредь таковым, кои обязались на содержание штабских квартир платить по общественному приговору деньги постоем не ставить». Среди упоминаемых в документе лиц, не имевших квартир и не вносивших денег, фигурирует несколько саратовских и один сызранский купец, трое чиновников и бывший астраханский губернатор генерал-поручик И. В. Якоби⁹³. Несколько месяцев спустя ситуация с квартирами военнотружущих Ростовского карабинерного полка заинтересовала временно исполнявшего комендантскую должность командира гарнизонного батальона секунд-майора А. В. фон Гартонга. Ему приходилось назначать квартиры приезжавшим в город генералам и штаб-офицерам, но некоторые домовладельцы Саратова отказывались принимать постояльцев, объявляя себя свободными от выполнения повинности. Опираясь на его рапорт, Саратовское наместническое правление направило в городскую думу указ, рассмотренный уже после ухода полка из губернии на заседании 3 июля 1794 г. В соответствии с ним от думы требовалось сообщить, «по какому законоположению» она

«збирает скупы⁹⁴ с лутчих домов, избавляя от постоем, и тот скуп на какой именно расход для господ штаб и обер офицер Ростовского карабинерного полку употребляет»⁹⁵. В ответ на требование наместнического правления дума сообщила, что никаких «скупов» она не собирает, «а нанимались квартиры ... от купеческого и посадского обществ по добровольному между себя согласию и приговором для того именно, чтоб частных людей не обременить таковым важным постоем, ибо ежели штаб офицера поставить к частному человеку, то по неимению покоев и служб принуждён будет хозяин отдать свой дом постояльцу, а себе нанять у посторонних людей особой, а сверх того давать в свой дом постояльцу дрова, на что по дороговизне оных вышла б большая сумма денег, каковая частному человеку быть может весьма отяготительна, в рассуждении чего и содержания были штабские квартиры общественным коштом». Наём домов для офицеров полка потребовал 633 руб. 25 коп. Вместе с деньгами, затраченными на отопление всех нанятых зданий, но без учёта стоимости их ремонта, постой Ростовского полка обошёлся городу в 1882 руб. 75 коп.⁹⁶ Перечислив купцов, из чьих взносов составлялась «складочная сумма»⁹⁷, дума сообщала, что «сделали они обществу в вышеписанных расходах подмогу, за что и уволены были ... от постоя». Гартонгу предлагалось послать указ из наместнического правления, в котором предложить, «дабы он, во время надобности квартир, требовал оные от городского магистрата чрез определённых и всегда состоящих у него на лице⁹⁸ городских квартирмейстеров»⁹⁹.

Было бы ошибочно считать, что полк, находившийся на квартировании во внутренней губернии, пребывал в некоем статичном состоянии, лишённом каких-либо значимых событий. На самом деле в такие периоды внутренняя жизнь части не только не замирала, но, порой, напротив, наполнялась новым содержанием. Приход военной оживлял экономику региона, вливал свежую струю в общественную жизнь местного дворянства. Офицеры активно участвовали в коллективных охотах, торжественных мероприятиях, балах, маскарадах, обедах и вечерах с неизбежными карточными играми. Здесь заводились новые знакомства, заключались сделки, возникали заёмные обязательства. Как вспоминал А. С. Пищевич, офицеры Ростовского полка, «покинув пустыню Кавказскую, увидели себя посреди многолюдного общества». В Саратове «дни в недели были разобраны лучшими в городе домами, в которые popolудни съезжались, занимались картами, а в вечеру начинались танцы, которые продолжались нередко далеко за полночь»¹⁰⁰. В начале 1793 г., когда дворянство съехало в губернскую столицу для выборов должностных лиц, балы уже стали «вещью обыкновенною и потому дано было четыре сряду маскарада»¹⁰¹. Время пребывания в Саратове, по признанию А. С. Пищевича, «текло между разными утехами»¹⁰².

В ряды армейского формирования спешили вступить молодые дворяне, чтобы, пользуясь пребыванием части в их губернии, формально «отбыть срок» до получения заветного офицерского чина, так сказать, «по месту жительства». Как только полк уходил на новые квартиры, многие из таких новобранцев немедленно подавали в отставку. Подобные примеры были весьма обычны в 70–80-е гг., когда в Саратовском крае находились на постое Астраханский, Владимирский, Санкт-Петербургский драгунские полки, двухротная команда 1-го Артиллерийского фузельёрного полка, подчинённая конторе опекунов иностранных поселенцев, и другие части. Для той же цели часто использовался и Саратовский гарнизонный батальон¹⁰³.

Активный приток новобранцев из числа дворян с лихвой возмещал отток из полков выходящих в отставку офицеров. Обычный мотив расставания с армией – брак с дочерьми местных помещиков или богатыми вдовами. А. С. Пишчевич называет в своих записках, по крайней мере, одного сослуживца 26-летнего ротмистра Николая Никаноровича Струкова¹⁰⁴, покинувшего родной полк именно с такой целью. Женившись в Саратове, он «получил за женою 300 душ бородастых мужиков¹⁰⁵, а это было для него довольно выгодно, ибо он бедняк ничего не имел». «Для моего друга сия женитьба составила состояние, которого, может, по службе бы ему не довелось сделать, и я доволен тем, что он, вышед в отставку, продолжает дни покойные. Судьба его привела ради сего в Саратов», – писал по этому поводу А. С. Пишчевич¹⁰⁶. В качестве завидного жениха в городе рассматривали и самого мемуариста, но его в эти годы узы Гименея ещё не привлекали.

В то время, когда офицеры всеми возможными способами разнообразили свой досуг, рядовые солдаты оставались разбросанными по селениям губернии, часто без какого-либо надзора со стороны своих непосредственных начальников. Вернуться в своё «первобытное» крестьянское состояние им мешали лишь необходимость заботы о лошадях и амуниции, а также случавшиеся иногда служебные командировки. Так, согласно официальным данным, в 1793 г. за период с мая по август включительно в различных «отлучках» находилось 123 комплектных и 6 сверхкомплектных воинских чина с 32 строевыми и 2 подъёмными¹⁰⁷ лошадьми¹⁰⁸. Иногда такие командировки удавалось сделать весьма выгодными для посылавшихся в них солдат. Пример такого рода мы находим в тех же записках А. С. Пишчевича. Во время квартирования в Терсе к нему обратился местный капитан-исправник, просивший определить к нему двух карабинер «для понуждения взноса казённых недоимок». Пишчевич, «ведая, что при таком случае солдаты получают подарки, ... чтоб дать случай ... подчинённым нажать копейку, выбрал двух отличного поведения и рачительной службы солдат и дал ему»¹⁰⁹. За время постоа в Саратовском наместничестве претерпел изменения и кадровый

состав Ростовского карабинерного полка. 30 апреля 1793 г. «за неспособностью к полевой службе» часть покинули 30 человек. В губернскую штатную роту гражданского подчинения, под командой капитана И. Н. Образцова, были определены каптенармус, 3 капрала и 26 рядовых. Взамен их комендант полковник В. В. фон Гартонг прислал в полк несколько новонабранных и пойманных из бегов рекрут, а также рядовых гарнизонного батальона. Ряды карабинер пополнил даже один «праздно шатающейся церковник»¹¹⁰.

В первой половине января 1794 г. генерал-майор князь А. Щербатов, которому было поручено возглавить силы, предназначенные к усмирению казаков нескольких донских станиц, предписал командирам Каргопольского и Ростовского полков, «выступя под видом к выгоде для перемены квартир, приблизиться к границам донским и расположиться, не входя в оные, одному Новохопёрского уезда, а другому на Медведице в самых последних селениях»¹¹¹.

Приказ о выступлении от временного командовавшего Ростовским полком секунд-майора А. М. Щеглова Пишчевич получил «в исходе января». 24-го числа его эскадрон покинул Терсу и, «с крайней поспешностью без всяких отдыхов, по безмерной глубине снега просёлочными дорогами, при почти нестерпимых морозах и вьюгах», достиг места сбора – с. Усть-Бурлук Камышинского уезда¹¹². Сюда же спешно прибыл из Петербурга и полковник А. Д. Буткевич, отпущенный в столицу на месяц в отпуск с 16 ноября 1793 г.¹¹³ Ростовский карабинерный полк первоначально выступил в половинном составе: 512 человек при 468 лошадях из состоявших «налицо» к началу января 1794 г. 1012 военнослужащих и 1004 лошадей¹¹⁴. «Когда все эскадроны собрались, то мы вошли в Донские пределы», – вспоминал А. С. Пишчевич¹¹⁵. 20 июня 1794 г. Г. А. Скопин отметил в своём дневнике уход из Саратова «на Дон» последних карабинеров Ростовского полка¹¹⁶.

Полуторагодовой постоа в Саратовской губернии Ростовского карабинерного полка завершился собой длительный период в истории края, когда в его пределах регулярно размещались на квартиры воинские части Русской армии. В конце XVIII столетия вектор внешней политики России начал резко склоняться к западу, следствием чего явилось постепенное перемещение туда и основной части военных сил государства.

Примечания

- 1 См.: Записки, собранные по повелению императора Павла I о начале регулярного войска, о ново и славяно-сербских поселениях, о полках гусарских и пандурских и о военных школах // Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1904. Вып. XVI. С. 26.
- 2 Конский состав кавалерийских полков, расположенных на южных границах империи, нередко пополнялся малорослыми лошадьми местных степных пород,

- привлекавших военных, помимо прочего, своей дешевой и выносливостью. Естественно, что всадники на таких лошадях выглядели весьма непрезентабельно и мало походили на идиллические картинки из знаменитого издания А. В. Висковатого.
- ³ См.: Керсновский А. А. История русской армии: В 4 т. М., 1999. Т. 1. С. 121.
- ⁴ Государственный архив Саратовской области (далее ГАСО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 44. Л. 181 об., 182; Д. 407. Оп. 1. Д. 1441, Л. 1 об.
- ⁵ В послужном списке офицера и некоторых официальных документах его фамилия писалась как *Пишчевич*.
- ⁶ Чечулин Н. Д. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII в. // Журнал Министерства народного просвещения. 1889. № 4. С. 267.
- ⁷ См.: [Пишчевич С. С.] Известие о походе Симеона Степановича Пишчевича // Чтения Императорского общества истории и древностей России. 1882. Кн. 2.
- ⁸ См.: Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 489. Оп. 1. Д. 2906. Л. 60 об, 61; Собрание всех помещённых в ведомостях обеих столиц с 1788 по 1790 год включительно реляций о военных действиях против неприятелей Российской империи. Ч. II. М., 1791. С. 178; Русский биографический словарь: В 20 т. Т. 12. «Педашенко – Пятовы». М., 2001. С. 137; [Пишчевич А. С.] Жизнь А. С. Пишчевича, им самим описанная. 1764–1805. В трёх частях // Чтения Императорского общества истории и древностей России. 1885. Кн. 1–2. С. 1.
- ⁹ Пишчевич А. С. Указ. соч. С. 157.
- ¹⁰ Скопин Г. А. Дневник происшествий // Саратовский исторический сборник, издаваемый Саратовской учёной архивной комиссией в память трехсотлетия города Саратова. Саратов, 1891. Т. 1. С. 34.
- ¹¹ ГАСО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 61. Л. 99 об, 102 об, 103, 106.
- ¹² РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2906. Л. 47.
- ¹³ Ныне с. Мордово Красноармейского р-на Саратовской обл. Экономическое село, т. е. населённое экономическими крестьянами. До секуляризации церковных земель в 1764 г. они принадлежали монастырям.
- ¹⁴ На самом деле значительно меньше.
- ¹⁵ Пишчевич А. С. Указ. соч. С. 157.
- ¹⁶ Имеется в виду Покровская слобода (ныне г. Энгельс), населённая малороссиянами-солевозчиками. О том, что обыватели слободы «зажиточны», писал в 1769 г. путешественник И. П. Фальк ([Фальк И. П.] Записки путешествия Академика Фалька // Полное собрание учёных путешествий по России, издаваемое Императорской академией наук, по предложению её президента с примечаниями, изъяснениями и дополнениями. СПб., 1824. Т. 6. С. 117).
- ¹⁷ Речь идёт о с. Лох, ныне находящемся в Новобураском р-не Саратовской обл.
- ¹⁸ Пишчевич А. С. Указ. соч. С. 157.
- ¹⁹ Имеется в виду главный уездный орган власти Саратовский Нижний земский суд, который «Учреждение об управлении губерниями» 1775 г. наделяло широкими полномочиями. Члены суда избирались на три года из местных дворян, возглавлял которых капитан-исправник. В указанный период эту должность занимал известный своими злоупотреблениями прапорщик В. Г. Горбунов. Пойманных без документов бродяг, доставлявшихся к нему в суд, он имел обыкновение оставлять у себя в качестве подневольных работников. В 1789 г. В. Г. Горбунов проходил подозреваемым в нашумевшем деле об «изветах» коллежского регистратора И. И. Игнатьева. Главными объектами его разоблачений стали тогда губернатор И. И. Поливанов и вице-губернатор М. И. Агалин. Под горячую руку попали и некоторые из местных чиновников. Согласно показаниям Игнатьева, В. Г. Горбунов производил систематические натуральные поборы с саратовских бобылей. К Масленице они доставляли ему рыбу, к Пасхе – гусей и яйца, к Петрову дню (29 июня по ст. ст.) баранов. Кроме того, чета Горбуновых предпочитала в своих разъездах бесплатно пользоваться крестьянскими лошадьми. Разумеется, никто из нещадно эксплуатируемых жертв исправника не посмел подтвердить показания И. И. Игнатьева. Умер В. Г. Горбунов всего через несколько месяцев после описываемого А. С. Пишчевичем эпизода. О том, что «от исправника и секретарей житья нам нету», в стихотворной форме жаловались несколькими годами позже саратовские крестьяне (См.: Щеглов С. А. Просьба, принесённая от крестьян на земский суд // Труды Саратовской учёной архивной комиссии. Саратов, 1909. Вып. 25. С. 342–345). Тиранские нравы и поборы с населения сделали капитан-исправников хрестоматийной фигурой в обличительных сочинениях последней четверти XVIII столетия (См.: Гуковский Г. А. Орлов В. Подпольная поэзия 1770–1800 годов // Литературное наследство. М., 1933. Кн. 9–10. С. 32).
- ²⁰ «Мужик ничего так не боится, как солдата», – писал в те же годы И. М. Долгорукий (См.: Долгорукий И. М. Повесть о рождении моём, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году от рождения моего. СПб., 2004. Т. 1. С. 107). Саратовец А. Н. Радищев писал о «обыкновенных нередко побой крестьянам от проходящих солдат» (Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М., 1983. С. 183). В «Недоросле» Д. И. Фонвизина Простаков пугается известия о приходе солдат, которые «разорят ... до конца», а его супруга так благодарит офицера Милона за его подчинённых: «Солдаты такие добрые. До сих пор волоска никто не тронул!» (Действие 1. Явление 8; Действие 2. Явление 5).
- ²¹ Пишчевич А. С. Указ. соч. С. 158 – 159.
- ²² Российский государственный архив литературы и искусства (далее РГАЛИ). Ф. 46. Оп. 2. Д. 39. Л. 5 об, 6; [Ржевский С. М.] О русской армии во второй половине екатерининского царствования. Современная записка генерал-поручика С. М. Ржевского // Русский архив. 1879. № 3. С. 360.
- ²³ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 222. Карт. 16. Ед. хр. 2. Л. 63 об.
- ²⁴ Пишчевич А. С. Указ. соч. С. 163. «Разбои Дубровского благодать для исправников: разъезды, следствия, подводы, а деньги в карман. Как такого благодетеля извести?», – говорит Кирилл Петрович Троекуров

- в знаменитом романе А. С. Пушкина «Дубровский» (См.: *Пушкин А. С. Избранные сочинения*. М., 1978. Т. 2. С. 464).
- ²⁵ *Пишчевич А. С.* Указ. соч. С. 173. Например, в том же 1792 г. в окрестностях Хвалынского орудовала дерзкая шайка атамана Н. И. Елина, для поимки которой пришлось вызывать воинскую команду из Саратова (ГАСО. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 86).
- ²⁶ *Пишчевич А. С.* Указ. соч. С. 165; РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2906. Л. 55, 61, 205.
- ²⁷ *Скотин Г. А.* Указ. соч. С. 34.
- ²⁸ Ныне Воскресенский р-н Саратовской обл. (РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2906. Л. 50).
- ²⁹ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. I (далее ПСЗ). СПб., 1830. Т. XVII. № 12543.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Ныне в Вольском р-не Саратовской обл. (РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2906. Л. 183).
- ³² *Маевский Н. С.* Из семейных воспоминаний // Исторический вестник. 1881. № 10. С. 325.
- ³³ *Пишчевич А. С.* Указ. соч. С. 171 – 172. Этот «робкий» офицер, происходивший из бедных дворян, даже не имевших крепостных, вступил в службу простым солдатом в 1766 г. «За отличие ... при взятии штурмом крепости Анапской» в 1791 г. он 9 августа 1792 г. получил похвальную грамоту и был произведён сверх комплекта в чин секунд-майора. (РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2906. Л. 49 об, 53); Собрание ... С. 175; Список воинскому департаменту и находящимся в штате при войске, в полках, гвардии, в артиллерии и при других должностях генералитету и штаб-офицерам, таже-де кавалерам военного ордена и старшинам в иррегулярных войсках на 1794 год. СПб., 1794. С. 261.
- ³⁴ *Пишчевич А. С.* Указ. соч. С. 171–172.
- ³⁵ *Ланжерон А. Ф.* Русская армия в год смерти Екатерины II // Русская старина. 1895. № 4. С. 151–152.
- ³⁶ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб; М., 1882. Т. 3 «П». С. 9.
- ³⁷ *Ланжерон А. Ф.* Указ. соч. С. 153. То, что солдатские пайки попадали к обывателям «далеко не в полной мере», признавала впоследствии и официальная история военного ведомства. См.: Столетие Военного министерства. 1802–1902. СПб., 1902. Т. VII. Ч. 1. С. 486. В 1767 г. крещеная мордва и чуваша соседних с Саратовской округой Петровской, Пензенской и Саранской провинций в своём наказе в Уложенную комиссию жаловались, что военные «берут ... всякий съестной харч и на лошадей фураж без всякого денежного платежа ... и ... принуждают ... к подписке, что якобы оные нам никаких обид не чинили» (См.: Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1911. Т. 134). Очевидно, что практика фактического ограбления крестьян уходила своими корнями к первым годам существования русской регулярной армии. См., также: *Гуковский Г. А.* Солдатские стихи XVIII века // Литературное наследство. С. 114–117.
- ³⁸ *Ланжерон А. Ф.* Указ. соч. С. 161. Сложившаяся в XVIII столетии практика обогащения офицеров за счёт желудков солдат и крестьян оставалась неизменной и в последующие десятилетия. Согласно показаниям одного из лидеров декабристов М. И. Муравьёва-Апостола «большая часть полковых командиров ... пользуются незаконным образом солдатским провиантом < ... >. Ротные командиры, желая иметь также какую-нибудь выгоду, угрожают жителям, которые кормят солдат, и дают им квитанции. Это заставляет их быть несправедливыми, когда бывают жалобы» (Цит. по: *Семевский В. И.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 119).
- ³⁹ *Пишчевич А. С.* Указ. соч. С. 172. Для Н. В. Есипова, менее десятилетия тому назад покинувшего армию секунд-майором, такая практика, надо полагать, являлась самой обычной. Это не мешало властям рассматривать его в качестве верного слуги престола. 22 октября 1790 г. его «усердная ... служба, радение в делах и ревностные труды в исполнении должности» были вознаграждены орденом Св. Равноапостольного кн. Владимира 4-й степени. Благополучная карьера Н. В. Есипова продлилась ещё порядка полутора десятилетия. В Саратове он проживал в богатом доме с железной крышей, находившемся на Царицынской ул. (ныне ул. Чернышевского) в приходе церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы. Дом имел обширный дворовый участок в 1612 сажени. Соседом Есипова был знаменитый вольский откупщик В. А. Злобин, с три раза меньшим по площади с дворовым местом и огромным садом. В 1803–1809 гг. Н. В. Есипов состоял в должности Камышинского и Царицынского уездного предводителя дворянства (ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 34. Л. 207; Ф. 15. Оп. 1. Д. 113. Л. 18; Ф. 19. Оп. 1. Д. 440. Л. 10–12, 218–219).
- ⁴⁰ *Пишчевич А. С.* Указ. соч. С. 158. Впрочем, сам мемуарист далее признаётся, что однажды он всё-таки запустил руку в артельную сумму, уменьшив её на 200 руб. (Там же. С. 173).
- ⁴¹ Там же. С. 176. О казнокрадстве и злоупотреблениях в русской армии см. также: *Экитум С. А.* «Мзда не лихва». Безгрешные доходы как феномен русской истории // Родина. 2006. № 8.
- ⁴² *Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для потомков: В 3 т. Т. 1. 1738–1759. М., 1993. С. 166; *Маевский Н. С.* Указ. соч. С. 324–325.
- ⁴³ *Маевский Н. С.* Указ. соч. С. 325–326; № 11. С. 554.
- ⁴⁴ Дома у А. Д. Буткевича хранилась большая фарфоровая чашка с портретом императрицы, подаренная ему самой Екатериной II. Другой подарок государыни – перстень с «необыкновенной по величине бирюзой» – он не снимал до самой смерти (*Маевский Н. С.* Указ. соч. № 10. С. 326).
- ⁴⁵ Внук А. Д. Буткевича Н. С. Маевский ошибался, полагая, что этот орден его дед получил за участие в штурме Очакова (См.: *Маевский Н. С.* Указ. соч. № 10. С. 326). А. Ф. Ланжерон писал о таких искателях орденов: «Если кампания оканчивается штурмом, они делают вид, что находились на нём и требуют себе наград. Так как все они сыновья или двоюродные братья министров или фаворитов, то начальник включает их в свою реляцию. Тотчас же на этих маленьких газетных и будуарных героев сыплется дождём сабли, кресты и медали» (См.: *Ланжерон А. Ф.* Указ. соч. № 4. С. 176).

- ⁴⁶ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2905. Л. 32; Д. 2906. Л. 51 об – 52; Собрание ... С. 174–175; Список ... С. 138; Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920. Биобиблиографический справочник. М., 2004. С. 192.
- ⁴⁷ *Маевский Н. С.* Указ. соч. № 10. С. 326; *Пишчевич А. С.* Указ. соч. С. 107, 164. Знакомство и дружба с ней у А. С. Пишчевича переросла в более близкие отношения. Заподозрив офицера в ухаживаниях за супругой, А. Д. Буткевич под предлогом предстоящего смотра вверенного ему эскадрона отослал А. С. Пишчевича на его квартиру в с. Лох. Близкие отношения Пишчевича с Анной Ивановной продолжились в 1796 г. в Санкт-Петербурге. Примерно в то же время между Буткевичем и его женой произошёл разрыв и скорый развод. Согласно семейному преданию, однажды супруг, сам открыто изменявший жене, застал свою вторую половину в обществе сослуживца, «весьма впоследствии известного генерала», которого ревнивый муж выкинул в окно (*Пишчевич А. С.* Указ. соч. С. 214; *Маевский Н. С.* Указ. соч. № 10. С. 327). Бедствовавшей после развода Анне Ивановне император Павел в 1796 г. пожаловал 300 душ крестьян (Указы, распоряжения и резолюции императора Павла. 1796–1801 // Русская старина. 1873. № 4. С. 495).
- ⁴⁸ *Долгорукий И. М.* Указ. соч. С. 306.
- ⁴⁹ *Маевский Н. С.* Указ. соч. № 10. С. 328. Автор интересных воспоминаний об А. Д. Буткевиче доводился сыном другому довольно известному мемуаристу, соратнику и подчинённому А. А. Аракчеева, начальнику Старорусских военных поселений генерал-майору С. И. Маевскому (1779–1848). С дочерью Буткевича Любовью Александровной он обвенчался 16 октября 1829 г. (Там же; *Маевский С. И.* Мой век или история генерала Маевского // Русская старина. 1873. № 11. С. 777).
- ⁵⁰ См.: *Пишчевич А. С.* Указ. соч. С. 160.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² *Сегюр Л.-Ф.* Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II // Россия в XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 359.
- ⁵³ [*Воронцов С. Р.*] Записка графа С. Р. Воронцова о русском войске (1802) // Русский Архив. 1876. № 11. С. 348.
- ⁵⁴ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 2. Д. 39. Л. 6; *Ржевский С. М.* Указ. соч. С. 357.
- ⁵⁵ См.: *Массон К.* Секретные записки о России и в частности о конце царствования Екатерины II // Екатерина II в воспоминаниях современников, оценках. М., 1998. С. 210.
- ⁵⁶ См.: *Бородкин М. М.* Русская армия при Екатерине II // Военный сборник. 1909. № 8. С. 11. См. также: *Бегунова А. И.* «Сабли остры, кони быстры ...» (Из истории русской кавалерии). М., 1992. С. 68.
- ⁵⁷ *Ланжерон А. Ф.* Указ. соч. С. 156 – 160.
- ⁵⁸ *Хоскинг Дж.* Россия: народ и империя (1552–1917). Смоленск, 2000. С. 199.
- ⁵⁹ См.: *Шапков С. С.* Недуги русского общества в XVIII и в начале XIX в. // Дело. 1883. № 11. С. 126–134; *Дубровин Н. Ф.* Русская жизнь в начале XIX века // Русская старина. 1901. № 12. С. 475.
- ⁶⁰ *Белов И. Д.* Наш солдат в песнях, сказаниях и поговорках // Исторический вестник. 1886. № 8. С. 320.
- ⁶¹ *Ланжерон А. Ф.* Указ. соч. С. 162 – 163. См. также: *Массон К.* Указ. соч. С. 210.
- ⁶² РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 2. Д. 39. Л. 6–6 об; *Ржевский С. М.* Указ. соч. С. 360.
- ⁶³ *Ланжерон А. Ф.* Указ. соч. С. 162.
- ⁶⁴ См.: *Керсновский А. А.* Указ. соч. Т. 1. С. 118.
- ⁶⁵ См.: *Буганов В. И.* Летописные известия о Московском восстании 1682 г. // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова. М., 1967. С. 316. Подробно о труде военнослужащих на своих командиров см.: *Шапков С. С.* Указ. соч. С. 127.
- ⁶⁶ *Вигель Ф. Ф.* Записки: В 2 кн. М., 2003. Кн. 1. С. 285.
- ⁶⁷ *Ланжерон А. Ф.* Указ. соч. С. 150.
- ⁶⁸ См.: *Волков С. В.* Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 71.
- ⁶⁹ Одновременно с А. Д. Буткевичем (См.: Военный орден ... С. 192).
- ⁷⁰ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7020. Л. 128 об – 129; Список ... С. 45; Расписание Главной армии с её корпусами под предводительством генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потёмкина-Таврического (Приложение к рескрипту 16 мая 1791 г.) // Русский архив. 1874. № 2. С. 263.
- ⁷¹ На самом деле в 1793 г. ему было всего 51 год (по другим данным – 55 лет). См.: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7020. Л. 128 об. Любопытно, что «стариком» называет его и князь И. М. Долгорукий (*Долгорукий И. М.* Указ. соч. С. 344).
- ⁷² Здесь и далее все даты приводятся по старому стилю.
- ⁷³ *Пишчевич А. С.* Указ. соч. С. 165 – 166.
- ⁷⁴ Там же. С. 166.
- ⁷⁵ Идентифицирован по: ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 23. Л. 210.
- ⁷⁶ В г. Нижний Ломов Пензенской губернии квартировал ещё один полк его бригады – Каргопольский карабинерный. Командовал им тоже «весёлого свойства человек» полковник Д. М. Тараканов (См.: *Пишчевич А. С.* Указ. соч. С. 170; Список ... С. 142; *Пронштейн А. П.* Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д, 1961. С. 344).
- ⁷⁷ Ныне районный центр Саратовской обл.
- ⁷⁸ *Пишчевич А. С.* Указ. соч. С. 166. В начале 90-х гг. крепостные из вотчин сенатора и камергера двора А. К. Разумовского – одного из просвещённых людей эпохи, совершали частые побеги на Кавказскую линию в убеждении, что от них скрывают изданные якобы указы «о вольности и о свободе помещичьих крестьян» (ГАСО. Ф. 414. Оп. 1. Д. 164. Л. 16 и далее; Д. 165. Л. 4 а об; Д. 170, Л. 428 и далее).
- ⁷⁹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2906. Л. 204 об. В дальнейшем И. Ф. Беервиц достигнет чина генерал-лейтенанта. При императоре Павле он был шефом Сибирского драгунского полка, а чуть позже стал инспектором кавалерии Сибирской инспекции.
- ⁸⁰ Из саратовских историков на записки А. С. Пишчевича, почему-то названные «дневником», обратил внимание А. А. Герасимов, нашедший в них «очень любопытные

- сведения о местном обществе того времени» (См.: *Герасимов А. А.* История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923. С. 46). Попутно ссылалась на текст Е. Н. Кушева (См.: *Кушева Е. Н.* Хозяйство саратовских дворян Шахматовых в XVIII веке // Известия Академии наук СССР. VII серия. Отд. гуманитарных наук. 1929. № 8. С. 687).
- ⁸¹ *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII–начало XIX века). СПб., 1999. С. 207.
- ⁸² *Чечулин Н. Д.* Указ. соч. № 5. С. 93.
- ⁸³ *Ланжерон А. Ф.* Указ. соч. С. 89, 96; № 4. С. 172.
- ⁸⁴ См.: *Попов Н. А.* Военные поселения сербов в Австрии и России // Вестник Европы. 1870. № 6. С. 612.
- ⁸⁵ Возможно, речь идёт о доме местной помещицы супруги капитана гвардии В. Ф. Карамышева Александре Ивановне.
- ⁸⁶ Один из наиболее богатых саратовских дворян тех лет. Большое состояние он, вместе с братом, унаследовал от отца – пензенского помещика, разбогатевшего на винных откупах и незаконных операциях с солью и рыбой. В доме отставного артиллерийского поручика П. С. Шевырёва к услугам хозяев и гостей всегда находились крепостные музыканты. В 1793 – 1805 гг. он последовательно занимал должности Саратовского уездного и губернского предводителя дворянства и в последнем качестве участвовал в коронации императора Александра I. Его сын – С. П. Шевырёв (1806 – 1864) стал впоследствии известен как литературный критик и историк русской словесности (ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 241 а. Л. 111 об – 113 об).
- ⁸⁷ *Скотин Г. А.* Указ. соч. С. 20; *Духовников Ф. В.* К истории топографии Саратова. Черновые наброски покойного профессора Г. С. Саблукова // Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. Вып. 1. С. 113.
- ⁸⁸ ПСЗ. Т. XVII. № 12543.
- ⁸⁹ Полковничья инструкция предписывала избирать под лазарет «спокойной и в свежем воздухе выстроенной дом с кухнею» (Там же).
- ⁹⁰ *Клокман Ю. Р.* Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII века. М., 1967. С. 69.
- ⁹¹ См.: *Пищевич А. С.* Указ. соч. С. 164; ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 20. Л. 319, 319 об; Д. 34. Л. 93, 93 об; Д. 35. Л. 9 – 9 об, 85, 85 об, 135; Д. 44. Л. 181 об, 182, 421; Ф. 15. Оп. 1. Д. 70. Л. 10 об, 69; Д. 75. Л. 9 об.
- ⁹² Имеется в виду сформированный в 1764 г. Саратовский гарнизонный батальон.
- ⁹³ ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 34. Л. 181, 182; Д. 44. Л. 92 об.
- ⁹⁴ *Скуп* – откуп от чего-либо, выкуп; здесь в значении соответствующего взноса. См.: *Даль В. И.* Указ. соч. «Р – V». СПб.; М., 1882. Т. 4. С. 213.
- ⁹⁵ ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 44. Л. 69.
- ⁹⁶ Там же. Л. 92 об – 93 об.
- ⁹⁷ В их числе были такие известные личности, как будущий городской голова О. Ф. Горбунов и основатель дворянского рода М. А. Устинов.
- ⁹⁸ Здесь читай: «налицо».
- ⁹⁹ ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 44. Л. 94 – 94 об. Городские квартирмейстеры, избравшиеся из числа горожан, состояли при магистратах и, по согласованию с полицией, занимались размещением в домах обывателей военных и гражданских чинов.
- ¹⁰⁰ *Пищевич А. С.* Указ. соч. С. 159.
- ¹⁰¹ Там же. С. 160.
- ¹⁰² Там же. С. 164.
- ¹⁰³ Применительно к Ростовскому карабинерному полку известны имена, по крайней мере, 17 новобранцев из саратовских дворян и чиновников. В 1793 г. в него поступили К. К. Спасков, И. И. Болтенков, В. И. и А. И. Быковы, М. А. Алфимов, И. И. Неклюдов, И. Г. Лутохин, А. И. Москвитин, И. Н. Гусев, Ф. Н. Биглов, Г. Ф. Михирев, П. И. Шустов, Ф. М. Авилов, А. Д. Гавришин, В. А. Тебенков, С. В. Бондаревский, Ф. Д. Митюрин (*Хованский Н. Ф.* Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 года. Саратов, 1912. С. 165; ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 249. Л. 2; Оп. 3. Д. 92. Л. 19, 28; РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2906. Л. 24 об – 25, 28 об – 30). Личность последнего из перечисленных офицеров привлекает особое внимание. В начале XIX столетия ему довелось участвовать в кампаниях против турок и французов в 1806–1809 гг., Отечественной войне 1812 г. и заграничном походе Русской армии. Ф. Д. Митюрин сражался при Смоленске и Бородино, Малоярославце, Красном и Лейпциге, штурмовал Париж. За отличие в битве при Лаоне он был награждён Золотой шпагой (См.: *Хованский Н. Ф.* Указ. соч. С. 165).
- ¹⁰⁴ Не путать с его братом Никанором Никаноровичем Струковым, позже служившим городничим в г. Вольске.
- ¹⁰⁵ Женившись на дочери майора Елизавете Павловне Карамышевой, он получил вместе с нею более полутора сотни крестьян (с жёнами и детьми – порядка четырёх сотен). В 1794 г. супруги активно приобретали в губернии крепостных. (ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 100. Л. 20 об – 21 об; Д. 102. Л. 170 об – 177 об; Ф. 107. Оп. 1. Д. 156.
- ¹⁰⁶ *Пищевич А. С.* Указ. соч. С. 181. Согласно послужному списку, Струков «вступил в службу» рядовым в 1770 г., когда ему едва исполнилось пять лет. Через 13 лет его произвели в подпоручики пехоты. В составе Ростовского карабинерного полка, в который он вместе с младшим братом Александром перешёл в начале 1791 г., ему довелось участвовать в стычках с ногайцами и штурме Анапской крепости. В последнем деле он был ранен «в левую ногу черепом от бомбового ядра». Полную отставку секунд-майором Н. Н. Струков получил по собственному прошению «за чахоточную болезнию» лишь в начале 1795 г. Мать Н. Н. Струкова владела в Богородском уезде Московской губернии 600 душами крестьян (РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2906. Л. 6 об – 7; ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 100. Л. 20 об – 21 об; Д. 102. Л. 170 об – 177 об). 6 ноября 1793 г. в часть из Тамбовского пехотного полка поступил ещё один самый старший из братьев Струковых Григорий. Его судьба сложилась совершенно иначе. Способности и храбрость офицера вскоре были замечены начальством и в 1796 г. Г. Н. Струкова перевели в свиту императора Павла «по квартирмейстерской

части» (прообраз Генерального штаба). В 1799 г. офицер попал в плен к французам во время голландской экспедиции русских войск. С 1802 г. Струков служил при Оренбургском генерал-губернаторе, произвёл съёмку и описание киргиз-кайсацких степей, руководил устройством Илецкой линии. Здесь, уже в отставке, он умер 28 января 1846 г. (См.: Русский биографический словарь. СПб., 1909. Т. «Смеловский – Суворин». С. 566–567).

¹⁰⁷ Т. е. грузовыми, предназначенными к запряжке.

¹⁰⁸ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2906. Л. 205.

¹⁰⁹ Пишчевич А. С. Указ. соч. С. 176–177.

¹¹⁰ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2906. Л. 178 об.

¹¹¹ Цит. по: *Пронштейн А. П.* Указ. соч. С. 343.

¹¹² Ныне с. Бурлук Котовского р-на Волгоградской обл.

¹¹³ *Пишчевич А. С.* Указ. соч. С. 177. Дальнейшая биография А. Д. Буткевича складывалась вполне благополучно. 27 сентября 1794 г. он был переведён в Тамбовский мушкетёрский полк, а в 1804 г. и вовсе вышел в отставку в чине генерал-лейтенанта, по-

селся в Петербурге, где, будучи заядлым игроком, «никогда не выходил из долгов». После завершения Отечественной войны и заграничных походов он во главе Комитета Санкт-Петербургского ополчения занимался его роспуском. Скончался и похоронен был А. Д. Буткевич в принадлежавшем ему селе Спасском Старорусского уезда Новгородской губернии 9 апреля 1832 г. (См.: *Маевский Н. С.* Указ. соч. № 10. С. 329–330; № 11. С. 559; *Апухтин В. Р.* Народная военная сила. Дворянские ополчения в Отечественную войну. Т. 1. М., 1912. Прил. 1. С. 18). Ещё раньше Ростовский полк покинул А. С. Пишчевич, перейдя 10 марта 1794 г. в Каргопольский карабинерный полк. 20 ноября 1796 г. он был переименован в коллежские ассесоры и причислен к герольдическому ведомству. Оставшиеся годы жизни Пишчевич посвятил мемуарному и литературному творчеству.

¹¹⁴ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2906. Л. 183; *Пронштейн А. П.* Указ. соч. С. 344.

¹¹⁵ *Пишчевич А. С.* Указ. соч. С. 178.

¹¹⁶ См.: *Скопин Г. А.* Указ. соч. С. 35.

УДК 347.965(470–89)+929[Токарский+Чернышевский]

ПРИСЯЖНЫЙ ПОВЕРЕННЫЙ А.А. ТОКАРСКИЙ («НА ЕГО РУКАХ ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И УМЕР...»)

Ю.В. Варфоломеев

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: ybartho@mail.ru

В статье рассматриваются последние 113 дней жизни и деятельности Н.Г. Чернышевского в Саратове, его общение в этот период с присяжным поверенным А.А. Токарским, воспоминания которого об этих встречах содержат впечатления об образе мыслей писателя и малоизвестные фрагменты его повседневной жизни. В работе также приводится краткая биографическая характеристика Токарского – популярного саратовского адвоката, видного общественного и политического деятеля России начала XX в.
Ключевые слова: присяжный поверенный, А. А. Токарский, Чернышевский, воспоминания, последние дни жизни.

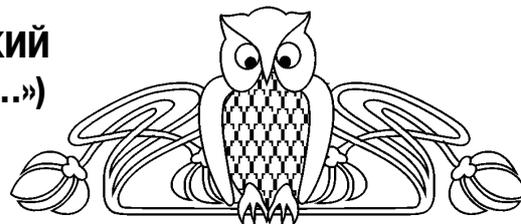
**The Juror confidant A.A. Tokarskiy.
(«On his hands Chernyshevskiy is dead...»)**

Yu.V. Varfolomeev

In article are considered last 113 days to life and activity N. Chernyshevskogo in Saratov, his contact in this period with juror confidant A.A. Tokarskiy, memory which about these meeting contains the impressions about image of the thoughts of the writer and a little-known fragments his ordinariness. In work also happens to short biographic feature Tokarskogo – a popular lawyer of the Saratov, well-known public and politician to Russia begin XX century.

Key words: Juror confidant, Tokarskiy, Chernyshevskiy, remembered, the last days of life.

В ночь с 16 на 17 октября 1889 г. Н.Г. Чернышевского не стало. Рядом с ним в эти по-

следние мгновения были самые близкие люди, среди которых оказался и присяжный поверенный А.А. Токарский. Кто же был этот человек, таким печальным образом вошедший в биографию Чернышевского?

Александр Ардалионович Токарский родился 23 июля 1852 г. в Петербурге. Из дворян, но его род не был записан в родословные книги. В 1874 г. окончил юридический факультет Петербургского университета. С 21 декабря 1874 г. по 6 марта 1876 г. состоял помощником присяжного поверенного округа Петербургской Судебной Палаты. В марте 1876 г. на основании определения общего собрания отделений Саратовского окружного суда был принят помощником, а в феврале 1880 г. – присяжным поверенным округа Саратовской Судебной Палаты¹.

Казалось бы, что общего было у этих двух людей – писателя и адвоката? Но их судьбы удивительным образом переплелись еще в начале 60-х гг. XIX в. Первые воспоминания Александра Токарского о Н.Г. Чернышевском связаны с его детскими годами. Дом Пыпиных был первым домом, куда он попал. «Мы жили в деревне. Семья наша хорошо была знакома с Пыпиными; одна из них, Варвара Николаевна, с отцом своим, Николаем Дмитриевичем Пыпиным, проживала